

К 556
467

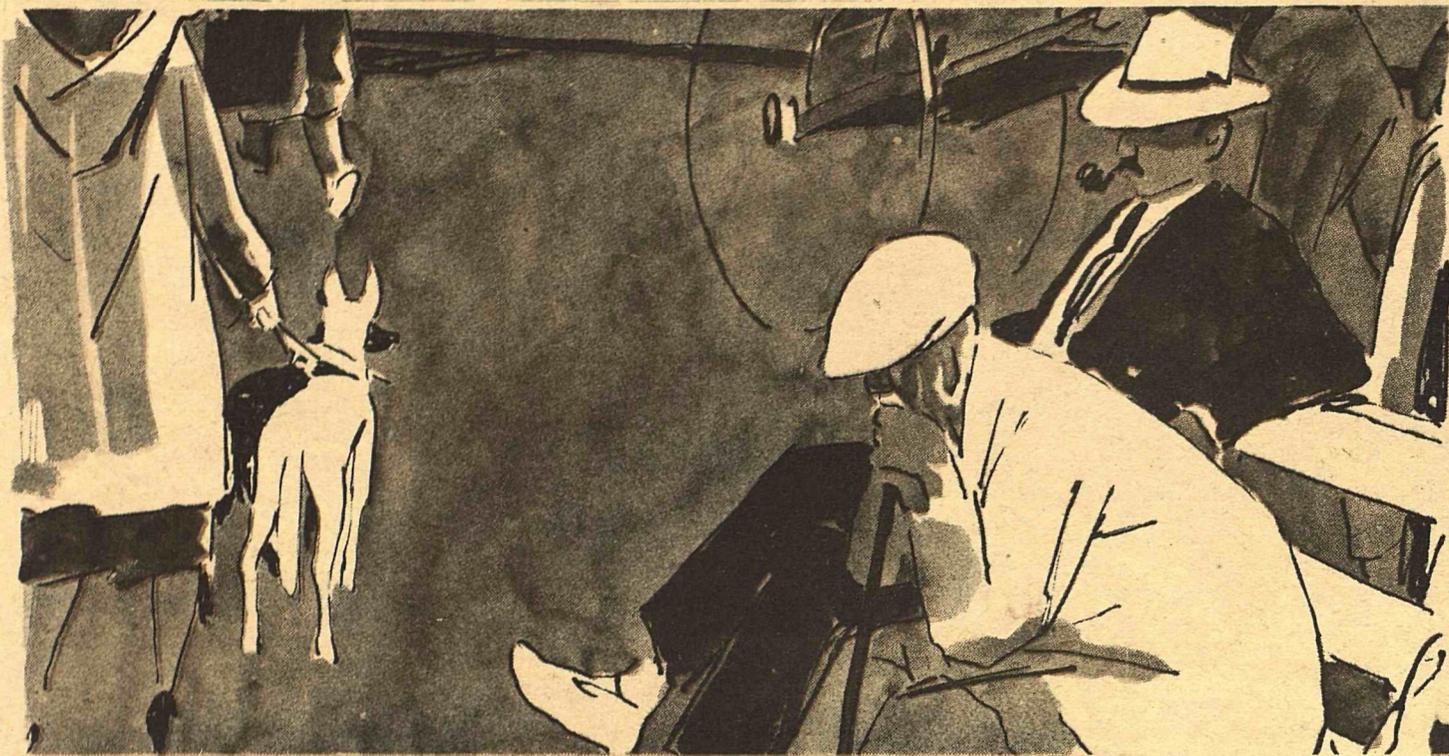
К Р О К О Д И Л

ТОЧНЫЙ АДРЕС

— Да с чего вы взяли, что председатель горсовета здесь живёт?

— А он, мне помнится, не раз говорил: «Моя хата с краю».

— Где это, Сэм, ты умудрился работу сыскать?
 — В бюро по регистрации безработных. Это — единственное место, где теперь расширяют штаты.

Как я был директором

ПО СВОИМ журналистским надобностям я должен был побеседовать с директором некоего завода стальных конструкций. Предварительно созвонившись по телефону, я направился на завод. Хотя здание дирекции выходило фасадом на улицу и имело самостоятельный вход, без пропуска туда проникнуть было невозможно. А бюро пропусков расположилось почему-то не у главных ворот, а с противоположной стороны.

— Держитесь забора. Он свернёт, и вы сворачивайте. Так и дойдёте, — посоветовали мне.

Минут двадцать я держался забора и наконец добрёл до бюро пропусков.

— Заявки на вас нет, — глухо донёсся до меня женский голос из узкого оконца, прорубленного в каменной стене.

Женщина куда-то звонила, с кем-то спорила. Из доносившихся до меня слов я понял, что телефонного разрешения ей недостаточно, нужна натуральная заявка. А заявку некому было нести, тем более, что расстояние от дирекции до бюро пропусков достигало добрых пятисот метров.

Наконец я направился в обратный путь, к главным воротам. Вахтёр завтракал и даже не захотел взглянуть на доставшийся мне с таким трудом пропуск. Он махнул рукой: проходи, мол! Но самое большое огорчение ждало меня впереди. Путешествуя вокруг завода, я просрочил назначенное время, и директор уехал в трест.

— Он скоро вернётся и просит вас подождать, — утешила меня секретарша. — Посидите в его кабинете.

Я присел на диван и углубился в газету. Меня сразу начал отвлекать непрерывный телефонный трезвон. Я решил призвать на помощь секретаршу, но приёмная оказалась совершенно пустой. Пришлось самому подойти к телефону.

— Иван Алексеевич! Из мелкосортного цеха пришли за поделками...

Я пытался вставить хоть слово, но безуспешно. Каждый звук моего голоса, вероятно, чем-то похожего на голос директора, порождал лишь новый поток скороговорки:

— Я говорю, за поделками пришли из мелкосортного. Поделки давно готовы, третий день уже дежат.

— Я не...

— Требование есть, всё, как полагается. И начальник ихний звонил, просил скорее дать, а то хоть станки останавливай.

Я невольно подумал: так в чём же дело? Поделки готовы, требование есть. Почему же ещё звонят к директору? Попытавшись ещё раз объяснить недоразумение, что вызвало новый поток слов, из которых я понял, что эти поделки давно следовало отдать мелкосортному, я не выдержал и крикнул в телефон:

— Так какого чорта вы мне звоните, если вы всё равно должны дать!

Голос внезапно прервался, точно там лопнула какая-то пружина. Несколько мгновений спустя я услышал бормотание:

— Так-то оно так. Но всё же... Решил с вами согласовать... Значит, отдать?

Я бросил трубку. И тут же был оглушён пронзительной трелью того же телефона.

— Иван Алексеевич! Опять в столовую возить продукты требуют. Говорят, где-то картошка гниёт, а им не из чего суп варить.

Слегка войдя в новую для себя роль, я полюбопытствовал:

— А что, машины нет?

— Как так машины нет? Два грузовика стоят.

— В чём же дело?

— Да дела-то, собственно, на двадцать минут. Почему не привезти?.. Но всё же...

— Что всё же? — я чувствовал, как меня охватывает раздражение.

— Я отказал. Они через час ещё придут. Им ведь деваться некуда: обед варить надо, а картошки нет.

— Немедленно дайте машину!

— Слушаю!.. Слушаю!.. Я тоже думаю, что надо дать...

Сознание, что обед будет изготовлен сегодня вовремя, как-то искупало чувство неловкости: ведь залез не в своё дело!

Несколько звонков я оставил без внимания. Но ожил соседний телефон, издавая звуки низкого регистра, почти виолончельного тембра. Ясно было, что этот аппарат соединяет директора с избранными абонентами.

— Здравствуй, Ваня. Как живёшь?

— Директора нет.

— Ха-ха-ха! Шутник, шутник ты, Ваня! Ты

думаешь, это клиент какой-нибудь звонит? Это Пургаев.

— Дело в том...

— Знаю, знаю, в чём дело. Я сам тем же грешен. Иногда даже голос меняю. Ну, ладно, Ваня. Хочу тебе подарок сделать. К нам на базу начали мандарины поступать, для консервного. Пришли машину, ящиков десять отпущу.

Мандарины меня заинтриговали. «К чему бы такой подарок?» — подумал я.

— Пришли хоть завтра вечером. Слушай, Ваня, — голос моего собеседника приятно округлился, — ты цементом богат? Мне бы тонны две

В цементе я отказал. О мандаринах больше не было речи, но зато я выяснил, что с неизвестной мне базы директор завода получил в своё время целую гору фруктов. Всё это было поставлено мне на вид.

— А теперь в паршивом цементе отказываешь? — голос был далеко не округлым, а скорее напоминал заржавленную пилу. — Ладно, попомнишь!

Телефоны бесновались. Секретарша не вернулась. Время от времени я брал трубку, и если мне не удавалось разъяснить, что я — это я, приходилось выслушивать просьбы, требования, вопросы. Позвонили из бюро пропусков.

— Тут заведующий складом нашим приехал. Проситесь.

— Пускай проходит.

— А заявки-то нет.

Вспомнив своё путешествие вокруг завода и ожидание у каменной стены с окошком, я решил воспользоваться сложившимися обстоятельствами.

— Я, директор, говорю вам: пропустите. Для чего же вам ещё заявка? Подпишет её секретарша. Что же, вы ей больше верите, чем мне?

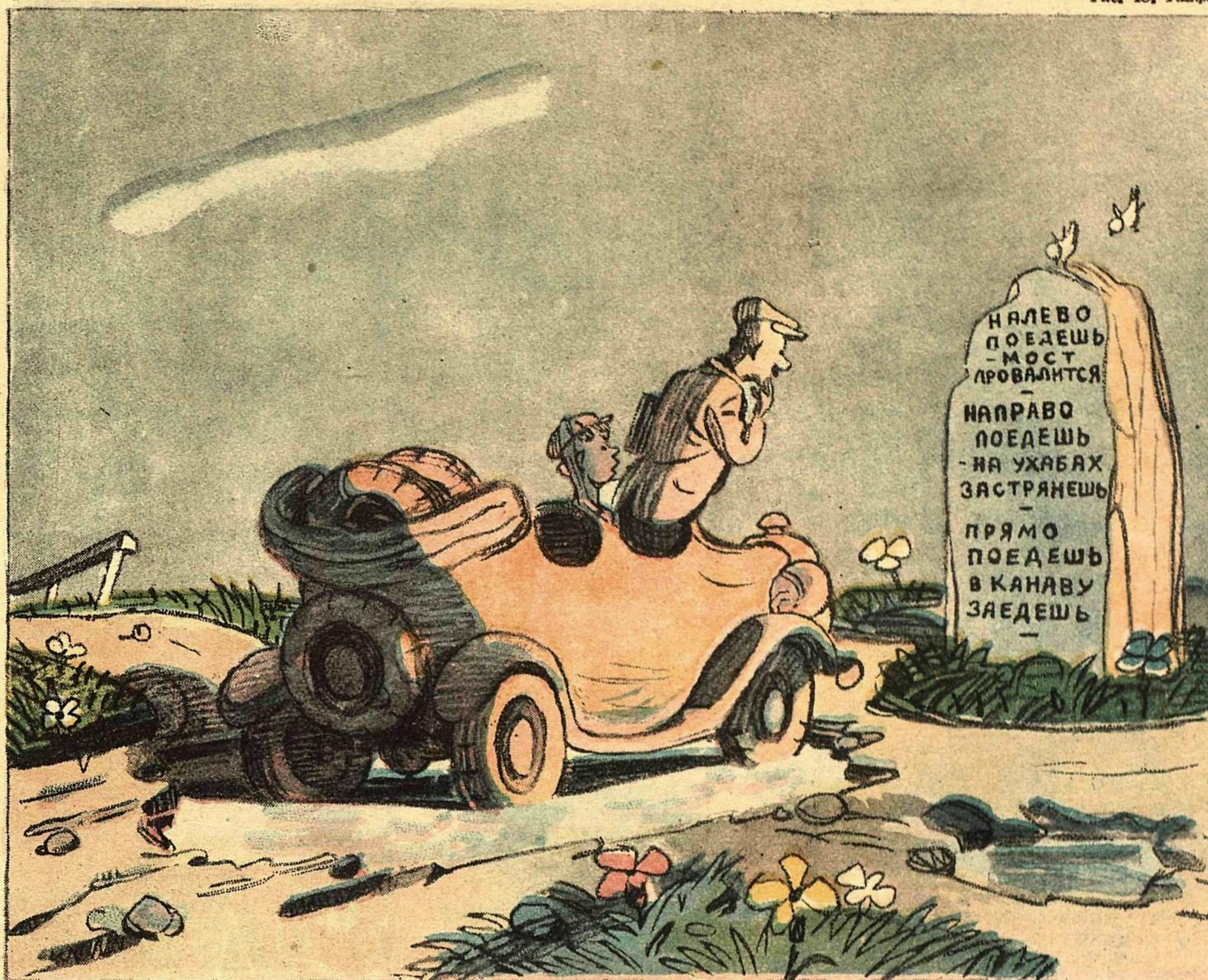
— Что вы, Иван Алексеевич! Разве о вере речь идёт. Порядок такой.

— Так ведь бумажку можно потом прислать. Чего же человека томить?

— Это всё правильно, но порядок...

— Никакого у вас порядка нет. Бюро пропусков почему-то открыли в целой версте от ворот. Гоняете людей без нужды...

— Раньше не так было, Иван Алексеевич! Вы же сами распорядились. Помните, говорили: «Побегают, побегают и перестанут на завод ходить?»

Райвитазь на распутье.

Такого подвоха со стороны Ивана Алексеевича я не ожидал. Пришлось выкарабкиваться. — Я пошутил, а вы поверили. Кстати, в дирекцию и вообще-то без пропусков можно ходить. Оберегать надо завод, а не меня с секретаршей.

— Раньше не так было, Иван Алексеевич. Но вы же сами распорядились...

Пришлось мне без объяснений повесить трубку.

До прихода директора я успел дать ещё несколько распоряжений. Разрешил вывесить стенную газету без предварительного ознакомления с ней. Предложил начальнику какого-то цеха самому решить вопрос, можно ли дать отгул рабочему. Начальник требовал с меня письменную резолюцию, но я отказался.

Я уже собирался ответить на очередной звонок, как вошёл директор. Вид у него был сумрачный:

— Простите, что задержал. Телефоны, небось, трезвонили?

— Да, знаете... — смущённо ответил я.

— Вот вы, так сказать, объективный свидетель. А в трест меня вызывали — песочили, песочили! Мелочами занимаешься... Инициативу подавляешь... А какая тут инициатива? С каждым пустяком лезут, обо всём спрашивают по десять раз. Целый день от телефона не оторвёшься...

И, вздыхая, директор взял телефонную трубку.

Я. ГИК

Баку

КАРМЕН С ТАБАЧНОЙ ФАБРИКИ «ДУКАТ»

Любовь, как нам известно, мир чарует,
Законов всех она, как правило,

Она поэтов вдохновением дарует,
И мы сейчас расскажем вам о ней.

В поклонниках не зная дефицита,
Жила в Москве без всяких перемен
Табачница с «Дуката», Карменсита,
Короче, по-домашнему, — Кармен.

И пронесли сквозь все года и войны
Любовь к Кармен, всем юношам
в пример,
Торреадор из мясохладобойни
И некий пограничный офицер.

Под звуки сладострастной хабанеры,
Смотря на своевременный закат,
Под ручку нежно водят кавалеры
Кармен с табачной фабрики «Дукат».

Извечные приёмы повторяя,
Бранятся конкуренты меж собой.
Один твердит: — Рассудок я теряю!
Другой: — Торреадор, смелее в бой!

Глаза Кармен так огненны и знойны,
Что пламенеют всяк на свой манер,
Торреадор из мясохладобойни
И некий пограничный офицер.

И в тщетном ожиданье поцелуя
Вздыхают всё печальней и сильней:
Меня, мол, ты не любишь, но люблю я,
Так, дескать, берегись любви моей!

И, улыбаясь ртом лукаво-алым,
Чтоб усмирить мужских страстей
раскат,

Их угощает «Беломорканалом»
Кармен с табачной фабрики «Дукат».

С улыбкою весьма благопристойной
Закуривает каждый кавалер:
Торреадор из мясохладобойни
И некий пограничный офицер.

Но лирика закончилась нелепо.
Вдруг кашель и слеза из-под ресниц.
Как бык, торреадор взревел свирепо
И пограничник вышел из границ!

Табак чадит! В нём половина сора,
И прах, и тлен, и щепки в табаке!
Кармен рыдает с пачкой «Беломора» —
С своею же продукцией в руке.

Уходят прочь умышленно спокойны,
Рассерженные свыше всяких мер:
Торреадор из мясохладобойни
И некий пограничный офицер.

В. ДЫХОВИЧНЫЙ,
М. СЛОВОДСКОЙ

— В «Октябре», а такая жара!

Эстетическое наслаждение

Я ХОЧУ получить эстетическое наслаждение! — говорит одна наша общая знакомая.

Сказав это, она становится в очередь к кассе кино и два с половиной часа под проливным дождем стоит за билетами. Жестоко поругавшись с теми, кто, по её мнению, «не стоял» и хотел схватить наслаждение вне очереди, она покупает билеты.

В 9.15 начинается демонстрация фильма. Прежде всего и самое главное: фильм заграничный. Иначе она не стояла бы два часа под дождем. Пусть другие стоят хоть три часа, хоть под градом, чтобы посмотреть отечественный «Каменный цветок»! Дело вкуса. Лично её тянет только на заграничное.

Фильм начинается примерно такими словами: «Хэллоу, олд феллоу! Хау ду ю ду! Куайт уэлл. Олл райт!»

Она ничего не понимает, но эти слова до того бесспорно заграничны, что она ясно ощущает: процесс наслаждения начинается.

Однако понимать хоть что-нибудь, хоть как-нибудь всё же хочется. Почему, например, эта роскошная девушка так печальна? Ведь она заграничная? Жить бы, кажется, да наслаждаться...

— Миша, — говорит наша знакомая, — Миша, ты следи только за русскими надписями и читай мне их вслух, а я буду следить только за картиной и рассказывать тебе вслух. Хорошо? А то я не успеваю и туда и сюда.

Пожилой Миша несогласен. Не то, чтобы он боялся пропустить волнующий момент, когда заграничный мужчина заграничным узлом повязывает заграничный галстук. Нет, это ему ни к чему! Но просто он любит получать за свои кровные всё, что полагается, а вовсе не одни надписи.

— Ах, что за любовь у них! Что это? Кажется, они целуются? Нет, вы только посмотрите, что это за поцелуй! Они приближают лицо к лицу, губы к губам, она прикрывает глаза... Ну, сразу же видно, что это заграничный поцелуй! А что за девушка! Глаза, ресницы, нос, рот, щеки, шея, спина и всё, понимаете, всё, вплоть до ушей, за-гра-нич-но-е! И на нём брюки, подтяжки, галстук, башмаки, шнурки на башмаках... А кругом вода, солнце, воздух, земля... Боже мой, она даже не подозревала, что заграничное солнце так ослепительно!

А какое отношение к женщине!

— Миша, скорее, обрати внимание: за ней бежит целый хвост мужчин! Вот это я понимаю, вот это отношение к женщине!

Пожилой Миша имеет на этот счёт своё мнение, может быть, излишне суровое, но всё же своё:

— Ж-ж-животное отношение! Напомни, я тебе потом расскажу...

Но вот эстетическое наслаждение доходит до предела: на экране бальное платье — дерные кри: спереди в сборочку, с боков расклешено, и ещё что-то таксе, чего разобрать невозможно, — придётся идти ещё раз. И фраки, фраки, фраки...

Она возвращается домой изнеможённая, полная восторгов...

На другой день к ним приходит в гости кассирша из Центральной театральной кассы.

— Что давно за билетами не бывали? Есть хорошие спектакли.

— Новые? Заграничные?

— Да вы и наших давно не видали. А есть отличные. «Русалку» в новой постановке хвалят.

— Нет, никто меня не понимает! Я жажду эстетического наслаждения: фраки, графы, сигары, манеры! А в «Русалке» кто? Мельник? Какие могут быть манеры у мельника? А фрак? У него может быть фрак? А сигара? То-то и оно! Я могу отдышаться душой только на фраках, только на эстетике.

— Тогда пойдите на «Круг» Могэма.

— Могэм? А это заграничное, не подвох? Почему-то звучит вроде как наш Могэс...

— Нет, люди понимающие говорят, что это значительно хуже, чем Могэс: не светит и не греет. Но тогда я могу вам порекомендовать «Идеального мужа» Оскара Уайльда.

— Заграничный?

— Кто? Оскар Уайльд? Говорят, до мозга костей, со всеми его достоинствами, парадоксами и пороками. Но ведь вещь, между прочим, старая и туалеты старые.

— Ничего, старое, да заграничное. Чем-чем, а этим я не брезгую.

— Вот это вы зря, — говорит кассирша. — Моя дочка купила заграничное платье и попала в нём под дождь... Так вы себе представляете: вернулась девочка в одних лохмоточках! Всё как есть смыло! То ли продукция такая

квёлая, то ли нашего отечественного дождика не переносит...

Сегодня наша знакомая накинулась на своего беднягу Мишу, и глаза у неё были круглые, как пятаки:

— Говорят!.. Говорят, что к нам просится откуда-то оттуда группа дрессированных заграничных блох! Говорят, что они обскакали все столицы мира. Потрясающее впечатление! Демонстрируют глубоковысокохудожественные вещи: танцуют чётку, шикарно одеваются, целуются... И главное, возят с собой колоссальный телескоп — или микроскоп? — и публика видит их увеличенными в 18 миллионов раз! Ты себе представляешь шикарных заграничных блох, увеличенных в 18 миллионов раз? Воображаю, какое эстетическое наслаждение! Как только они к нам придут...

— Бог даст, их к нам не пустят, — угрюмо говорит пожилой Миша. — Когда к нам приезжает оттуда кто-нибудь действительно талантливый, — милости просим! Радеемся и приветствуем, кричим «бис» и «браво». Вообще оцениваем по заслугам. Мы это умеем. Но чтобы блохи, — я извиняюсь! Неужели даже блохи могут доставить тебе это самое — эстетическое наслаждение?

— Заграничные? Безусловно!

К этому маленькому рассказу о нашей общей знакомой хочется добавить кое-что. Хочется напомнить, что великий поэт когда-то назвал русскую женщину «гением чистой красоты», а современные поэты не раз воспевали её доброту и нежность, верность и очарование, смелость и долготерпение. И даже из газетной статьи, написанной языком деловой прозы о достижениях, успехах и других славных делах, смотрит на нас прекрасный образ советской женщины.

Из всего этого следует, что нам у соседей красоты не занимать.

И потому немножко смешно, немножко глупо и даже немного обидно, когда некоторые — к счастью, немногие — из наших женщин лезут из кожи вон, чтобы хоть чем-нибудь, хоть краем уха, походить на мисс из прошлого года фильма, и испытывают ко всему заграничному — независимо от качества продукции — слюнявое умиление и телячий восторг.

В. КАРБОВСКАЯ

ПОРОСЁНОК КАК ИСТОЧНИК СВЕТА

СТАРАЯ поговорка утверждает:
«Свет не без добрых людей».

А эти добрые люди живут-поживают да добра наживают в городе Серпухове, и от их воли и благоусмотрения зависит осветить ваше жилище или погрузить его во тьму кромешную.

В деревне Каменке, Серпуховского района, угрюмо молчат электрические провода.

Обидно каменцам: в соседних деревнях полная иллюминация, а тут по вечерам, кроме ясного месяца, никакого освещения.

Послали каменцы письмо Серпуховской электростанции: «Дайте свет, добрые люди».

Ни ответа, ни привета, ни света...

Послали ещё одно письмо: те же результаты.

Послали делегацию в Серпухов. Не помогло.

Послали поросёнка в Серпухов. Поросёнок помог.

Благодаря свиному пяточку в Каменке зажётся свет.

Как именовать такой пяточок? Найдутся недоброжелатели, которые вспомнят к данному случаю неблагозвучное слово — «взятка».

Конечно, серпуховские электрики незамедлительно обидятся. Какая, мол, это взятка? Просто благодарность. Ну, если хотите, — товарообмен: мы им — вольтаж, они нам — свинаяж...

Но так или иначе, а меню в Серпухове несколько обогатилось. Между тем известно, что аппетит приходит во время еды. А вообще — долго ли съесть одного поросёночка?

И вот, когда последняя свиная шкварка хрустнула в серпуховских зубах, в деревне Каменке от этого движения случилось короткое замыкание: электрический свет тревожно вспыхнул и надолго погас.

Опять Каменка окутана тьмой.

Свиное поголовье колхоза затрепетало: чей пяточок сейчас ляжет на стол электриков?

Но напрасны были опасения. Из Серпухова пришёл новый ультиматум:

— Вспашите нам три га — и да будет свет! А сейчас пока нам не надо поросё. Вот и сказка вся!

Темно в Каменке. Но попрежнему светло на душе серпуховских электрошахермахеров:

— Разве это взятка? Что вы?!

Автор этих строк не в силах осветить Каменку. Он попытался лишь осветить этот вопрос и показать новые источники света, изобретённые в Серпухове.

Г. РЫКЛИН

ОДНАЖДЫ...

СИЛЬНОЕ ПОХУДЕНИЕ

Однажды Байрона встретил приятель, давно его не видевший.

— Как ты похудел! — воскликнул он, обращаясь к поэту.

— Ещё бы! — смеясь, ответил Байрон. — Я только что потерял 25 фунтов, одолев их человека, у которого я никогда не получу их обратно.

БАРОН БЕЗ ФАНТАЗИИ

Однажды у композитора Серова спросили, как ему понравилась опера барона Фитингофа-Шелля «Тамара», которую он только что прослушал.

— Зря говорят, что у каждого барона своя фантазия, — ответил известный композитор. — У барона Фитингофа на фантазию нет и намёка...

СУЩЕСТВЕННАЯ РАЗНИЦА

Однажды князь Николай Васильевич Решнин послал своего любимца-майора к Суворову с поздравлением. Великий полководец, желая проверить находчивость майора, неожиданно спросил его:

— А какая разница между мною и Николаем Васильевичем?

— Разница та, — не задумываясь, ответил майор, — что Николай Васильевич и хотел бы произвести меня в полковники, да не может, а вашему сиятельству стоит только захотеть, и...

— Поздравляю вас, майор, с повышением, — перебил его Суворов.

СТАРЫЕ ЗНАКОМЫЕ

Однажды Марк Твен слушал чтение комедии, написанной молодым и не слишком застенчивым автором. Всякий раз, когда драматург читал какое-нибудь место, кажущееся ему особенно смешным, Марк Твен молча приподнимал шляпу. Когда его спросили о причине этого, он ответил:

— Я всегда здороваюсь со старыми знакомыми.

ПЕРВАЯ ПРОГУЛКА НА ВЕЛОСИПЕДЕ

Однажды Бернард Шоу вернулся из своей первой поездки на велосипеде. Весёлый и возбуждённый, он воскликнул:

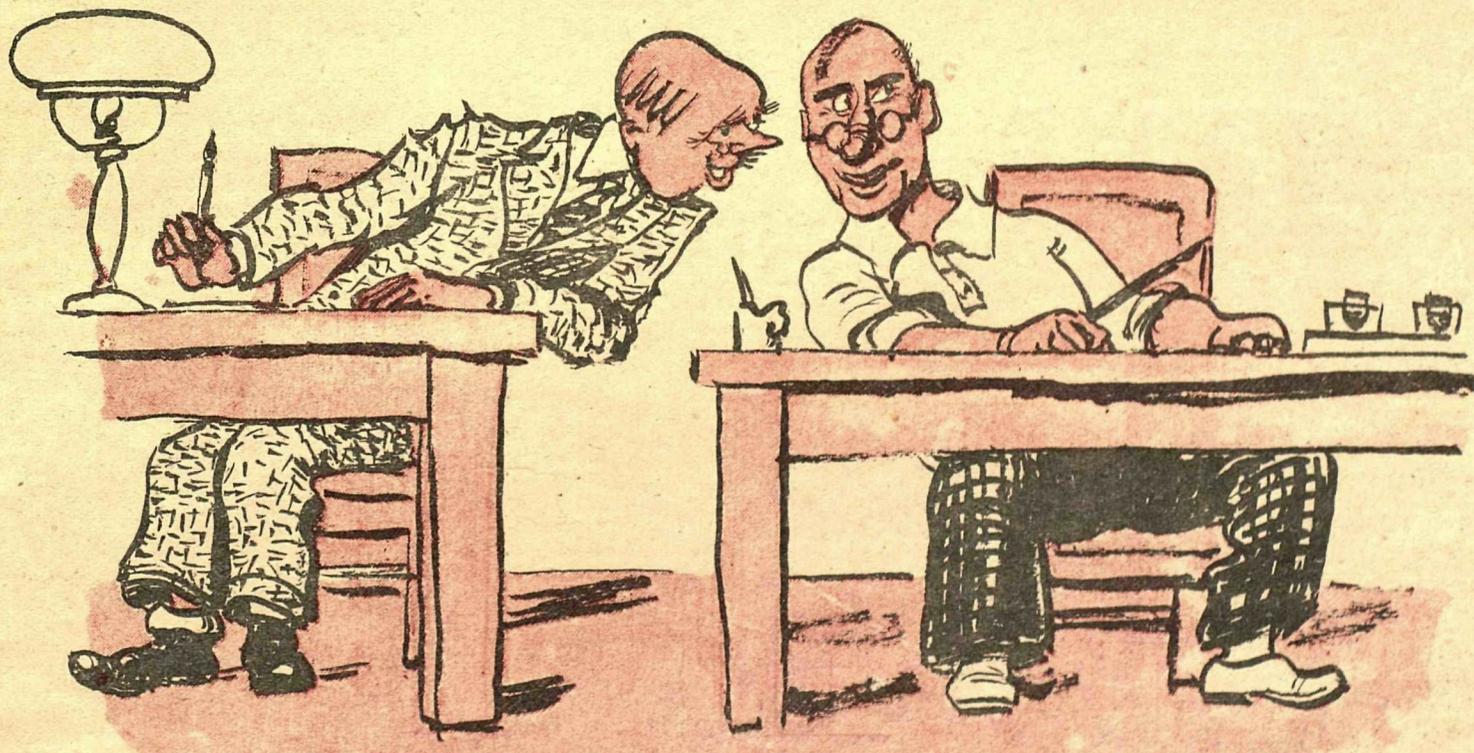
— Вот только теперь я понял, как надо ругаться!

— Но сколько раз я просила тебя оставить эту скверную привычку! — строго заметила ему мать.

— Да я ни разу не выругался, дорогая. Это делали те, на которых я наезжал...

ДОСАМОПРЕМИРОВАЛСЯ

Рис. А. Каневского

— А Иван Иванович премировал себя, кроме всего прочего, ещё и костюмом.

— Ну и как, хорошо сидит?

— Как полагается. На два года.

РЕЛЬЕФНАЯ КАРТА
ЭНСКОГО ХЛЕБОЗАГОТОВИТЕЛЬНОГО РАЙОНА

Рис. Л. Бродаты

Дорога на сыпной пункт отмечена птичками.

ДЕРЕ-ВЕНСКАЯ ОПЕРЕТТА В ТРЕХ АКТАХ, НЕ ОЧИТАЯ ДИВЕРСИОННОГО

ВМЕСТО УВЕРТЮРЫ

Есть много пьес, подобных этой,
Где фигурирует, как здесь,
Колхоза с венской опереттой
Салонно-тракторная смесь;
Где фрак и трактор в равной дозе
Сулят блистательный провал
Либреттопёку, что в колхозе, —
Равно как в Вене, — не бывал!

Действующие лица и коллективы: один миллионер (колхоз, конечно); один (одна) агроном, она же по совместительству фронтовик и временно исполняющий обязанности диверсанта; один тракторист, любящий своё дело, а попутно и агронома; один колхозный дед (для смеха) и, разумеется, хор поселян и поселянок.

АКТ ПЕРВЫЙ — «ЛИХА БЕДА — НАЧАЛО»

Вышеуказанный хор. Голоса.

Глаз не сводим с горизонта
И мечтаем об одном...

Все.

Чтоб скорей вернулся с фронта
Наш колхозный агроном!

(Два раза. Можно и больше, но не стоит.)

Дед Нефед. Поглядите-ка, ребятки, не идёт ли поезд? Я что-то нынче на правый глаз хромаю. Как говорит пословица: глаза старика, что слепая кишка! (Все, кроме тракториста Егора и зрителей, смеются и идут навстречу гудящему за сценой паровозу.)

Егор (оторвавшись от масс, мрачно). Эх любовь, любви! Ты как подсобное индивидуальное хозяйство: отвлекаешь мысли от колхоза. Вот уже четыре года, как не видал её, а всё не могу забыть. Работа на ум нейдёт, трактор из рук валится. (Поёт. Музыка, тракториссимо.)

Я активист, но, тем не менее,
Любви подвержен... Так-то брат!
Любовь для сердца — удобрение,
Как апатит или фосфат.
Прельстись любовными утехами,
Срамлю звено, срамлю свой стаж.
Я стал—о, грех!—пахать с огрехами,
Я стал прогульщиком... Она ж?!
Клялась, что едет бить агрессора,
А там отбилась, чай, от рук.
Поди, влюбилась там в профессора
Агрономических наук.
Сидит со старым, гладит плешь ему,
А я — судьбу свою кляни...
Куда, куда вы скрылись, к лешему,
Мои золотые трудодни?!

Это, впрочем, из совсем другой оперы. (Уходит, махнув рукой на оперетту.)

АКТ ВТОРОЙ — НЕУДАВШИЙСЯ ДИВЕРСИОННЫЙ

Агроном (входит, окружённая друзьями). Давно ли из окружения — и вот опять в окружение попала!

Голоса. Что? Как? Ты, значит, и в окружении была?

Агроном. А то как же? Без этого теперь ни в одну оперетту не попадёшь. Слушайте:

Я помню чудное мгновенье...

Егор (разъясняя):

Момент высокой красоты...

Агроном.

Когда, прорвавши окруженье...

Егор (подсказывая).

Передо мной явилась ты.

Дед Нефед (не без гордости). Что? Слышали? Вот так штука!

Все. Что за внучка! Ну, и внучка! Агроном (в подтверждение своих слов предъясняет справку).

Вот, смотрите: документ.

Нет, не тот... Один момент!

(Хочет подменить бумагу, но не может усыпить бдительность деда.)

Дед Нефед (вырывая документ). Шалишь, брат... То есть сестра... То есть, тыфу, внучка! Посмотрим-ка, что это ты скрываешь от колхозной общественности. (Читает.) «По немецкому — хорошо, по-русскому — отлично». Нет, врёмь! Что по-ихнему, по-немецкому, хорошо, то по-нашему, по-русскому, очень даже плохо. (Наступая на внучку, грозно.) Признавайся: диверсантка?!

Голоса.

Что? Слышали? Вот так штука!

Ну, и внучка! Вот так внучка!

Ай да дедка! Ай да дед!

Все.

Ай да бдительный Нефед!

Егор (предусмотрительно отходя в сторону).

Я так и знал! Риски, доверься ей...

Теперь начнётся тарарам:

Здесь пахнет явной диверсией.

Голос зрителя.

Ах, это запах многих драм!

Голоса. Что? Слышали? Вот так штука!

Егор (про себя). Я сконфуженно молчу.

Дед Нефед (агроному). Цыц! Нишкни! Хотя ты и внучка, я тебя разоблачу!

Голоса.

Он её разоблачает,

А она не замечает.

Что сказать? Она молчит.

Все.

Он её разоблачит!

Агроном. Нет, уже если до разоблачения дошло, так я саморазоблачусь. (Снимает с себя женскую одежду и остаётся в одном только обмундировании фронтовика. Общее изумление.)

Голоса.

Что? Слышали?! Что? Видали?!

Все возможные медали!

Агроном. И к тому ж,— пусть все прочтут...

(Берёт у Нефед бумажку и показывает.)

Я доцент. Сражалась? Точно,

Но и кончила заочно

Высший агроинститут.

Тут и отметки проставлены: «По немецкому — хорошо, по русскому — отлично».

Голоса.

Факт! Отличница учёбы.

Дед сконфузился. Ещё бы!

Глупый дед наделал бед.

То-то будет деду забучка!

Ну, и внучка! Ай да внучка!

Все.

Вли, как муха, дед Нефед.

Дед Нефед.

Зря смеётесь над Нефедом,

Был сюжет ему неведом.

Подкузьмило старика

Это путаное, это

Несуразное либретто

Либретиста-пошляка!

(Выходит из себя и уходит.)

Агроном (мечтательно).

Ах, всё как в сказке... как в романе!..

Егор. Вот неожиданный финал!

Голос зрителя. Как для кого. Я знал заранее.

Егор (в сторону). Коль не солгать, я... тоже знал!

Хочет обнять агронома, но, подчиняясь либретто, откладывает это на

АКТ ТРЕТИЙ — НЕ ДИВЕРСИОННЫЙ, НО ТОЖЕ НЕУДАВШИЙСЯ

Дед Нефед.

А не время ль в сельсовете

Вам позагсчиться, друзья?

Говорят, что в оперетте

Без любви никак нельзя.

Хор.

Это факт, что в оперетте

Без любви никак нельзя!

Дед Нефед. Ну, а если так, то (поёт).

Доклад окончен. Есть вопросы?

Егор (агроному, шопотом). Дозволь спросить...

Агроном. Довольно тайн!

Егор (громогласно). Люблю твой взгляд, улыбку, косы...

Агроном. Не надо кос! Я — за комбайн.

Егор. Люблю твой стан...

Агроном. Отстань, нахальный!

Мне слышать пошлости — впервой.

Егор (исправляя идеологическую ошибку).

Но стан не ин-дивиду-альный,

А коллективный, полевой!

Пойдём со мной..

Агроном. Всегда, повсюду:

В луга, на пашню.. в дождь и в зной.

Егор (уточняя). А в загс?

Агроном. Тем более. Я буду

Твоею маленькой женой!

Дед Нефед. Ну, это вы уж из «Графа Люксембурга» хватили. На графскую жизнь потянуло. Ярон вас за ноги!..

Разлагаться захотели,

От серьёзности устав?

Ну, а как сельхозартеля

Общепринятый устав?!

А впрочем... Сельсовет да любовь вам, а я не виноват! Пойду, что ли, выпью на радостях. (К дирижёру.) Эй, маэстро, пьяным-пьяниссимо! (Уходит, пошатываясь в счёт будущего.)

Егор (агроному). Наконец один! Ну, теперь, надеюсь, ты можешь открыть мне свой новый способ посадки лука. (Отходят в сторону, шепчутся.)

Хор.

Нам нужна агрикультура,

Чтоб по правилам наук

Здесь, у синих вод Амура,

Разводить зелёный лук.

Егор (мечтательно).

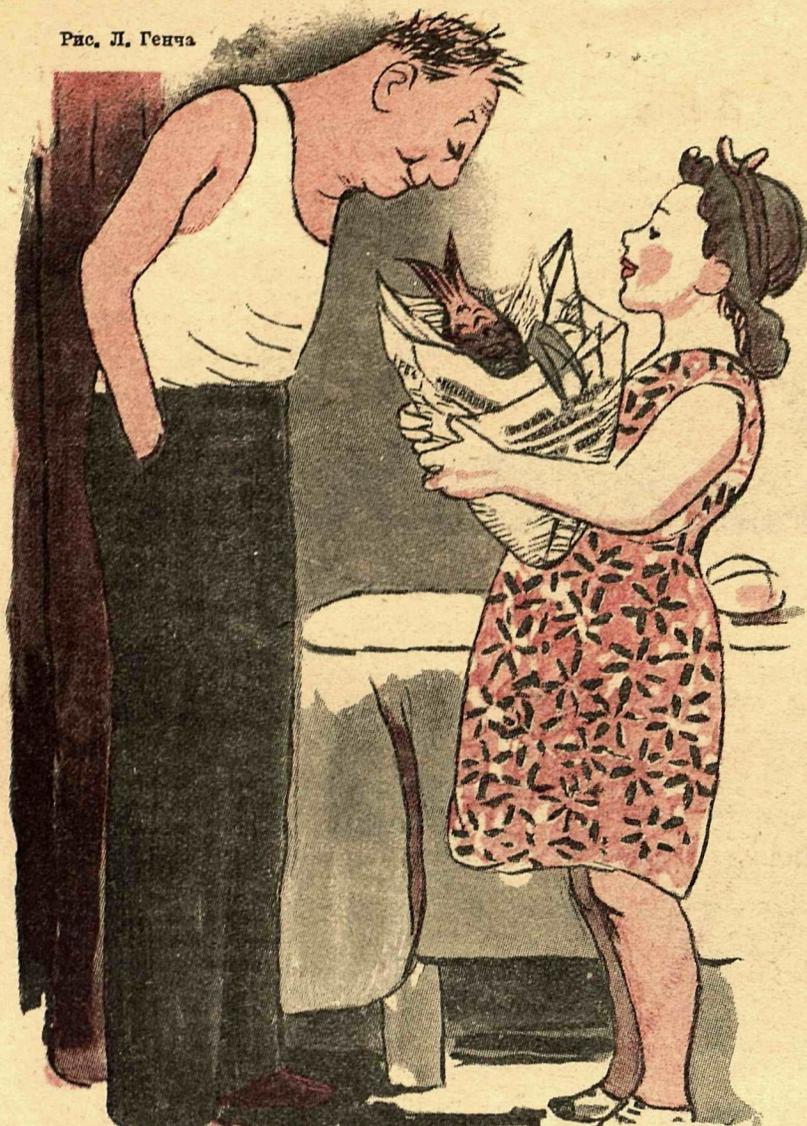
Лук Амура... лук Амура...

Агроном (так же).

Лук... Амур... Амурский лук!

(Падают: влюблённые — в объятия друг друга, занавес — в обморок.)

Эмиль КРОТКИЙ

— Ну, что сегодня нового в газете?
— Сам видишь: рыба.

ИНОСТРАННЫЙ ЮМОР

ПОНРАВИЛОСЬ

Молодой человек был очень застенчив. Однажды он принёс девушке, за которой ухаживал, букет цветов. Она бросилась к нему на шею и расцеловала. Молодой человек взял шляпу, собираясь уходить.

— Вы на меня обиделись? — растерянно спросила девушка.

— Что вы! Я иду купить ещё цветов!

ВЕЖЛИВЫЙ
МАЛЬЧИК

— Ну, что должен сказать маленький мальчик даме, которая дала ему одно пенни за то, что он поднёс её чемодан?

— Я слишком вежлив, чтобы сказать это, мадам!

НЕОЖИДАННОЕ
ОТКРЫТИЕ

— В газетах напечатано, что концерт, на котором мы вчера были, пользовался огромным успехом.

— Да? А я даже и не представляла себе, что он нам так сильно понравился.

УСПОКОИЛ

Антиквар (носиальщику): — Обращайтесь с этой вазой поаккуратней. Ей больше двух тысяч лет!

Носильщик: — Не беспокойтесь, сэр! Я буду с ней осторожен, как с новой!

ИХ ДВОЕ

Солдат явился к полковнику с просьбой дать ему отпуск, так как он должен помочь жене по хозяйству.

— Мне не хочется отказывать вам, — сказал полковник, — но я только что получил письмо от вашей жены, и она пишет, что вы совершенно бесполезны в домашнем хозяйстве.

Солдат отдал честь и пошёл к выходу. В дверях он обернулся.

— Полковник, — сказал он, — в вашем полку есть два человека, которые покривили душой перед правдой, и я один из них. Я не женат.

РАДИ МЛАДЕНЦА

— Почему Гринны начали изучать французский язык?

— Они усыновили младенца из Франции и хотят понимать его, когда он начнёт говорить.

ЧЕЛОВЕК-ЗАГАДКА

— Как романтична эта мисс Пассэй! Она говорит, что с её рождением связана какая-то тайна!

— Да. Это дата её рождения.

УЖАСНАЯ ЖИЗНЬ

— Моль ведёт ужасный образ жизни.

— Почему?

— Лето проводит в шубе, а зиму в купальных костюмах.

САМОЕ ЦЕННОЕ

Один иностранец, познакомившийся с жизнью Нью-Йорка, как-то ночью был остановлен бандитом на тёмной улице.

— Деньги — или я вышибу вам мозги!

— Пожалуйста, вышибайте, — ответил иностранец. — В Нью-Йорке можно прожить и без мозгов, а без денег — невозможно.

Отравительница

СПЕКТАКЛЬ окончился. Лёлочка Томилина, дебютировавшая сегодня в заглавной роли, вся сияя от радости, уселась за свой туалетный столик.

«Успех, успех! — думала Лёлочка, снимая прим. — Полный успех! Занавес девять раз давали. Ура! Надька (это относилось к сопернице) сойдёт с ума от злости. Ура!»

— Лёля, можно к тебе? — спросил чей-то голос, и на пороге показалась фигура Сапы Собаковской, одной из многочисленных приятельниц Лёлочки.

— Сапка!

— Лёлька!

Лица приятельниц приняли самые искренние выражения нежности и любви, и они кинулись друг другу в объятия.

— Ну, — сказала Лёлочка, прерывая объятия, — рассказывай. Я буду причёсываться, а ты выкладывай впечатления. Только начистоту!

— Чудесный спектакль! — сливочным голосом сказала Собаковская. — Просто прелесть!

Но Лёлочка погрозила ей пальцем:

— Ты, Сапка, не дури: кто-кто, а я-то тебя знаю.

— Ну, посуди сама, разве бы я пришла к тебе в уборную, если бы ты играла плохо? Нет, в том-то и штука, что ты сегодня блеснула, Лёлька, и что, самое главное, ты здорово утёрла нос вашей Надьке, это все говорят.

— Нет, серьёзно? — Лёлочка валилась румянцем.

— Абсолютно! Я бы на твоём месте поставила вопрос о прибавке. Да, да, да! Потому что незаметно, незаметно, как говорится, дуром-дуром, а ты стала мастерницей, Лёля, я даже от тебя не ожидала.

— Сомнительный комплимент, — улыбнулась Томилина.

— Нет, правда, когда ты вышла сегодня на сцену и сказала: «Взгляните на меня», — и я взглянула, даю честное слово, Лёлька, у меня мурашки пошли по ногам.

— А что? — воскликнула Лёлочка. — Сильное впечатление?

— Ого! Я, знаешь, вся заиндевела. «Господи, — думаю, — Лёлька, та самая Лёлька, которую ещё так недавно мы за глаза называли «говорящее бревно!»

— Неужели вы меня так называли? — с негодованием сказала Лёлочка.

— Ещё хуже называли, Лёлочка. Но ты не сердись, дело прошлое. Так вот, думаю, это самое «говорящее бревно» играет сейчас главную роль.

И как играет! Ужас! То есть в смысле блеска. Да, вот оно что значит подцепить художественного руководителя!

— Ты что плетёшь? — изумлённо вскинула брови Томилина.

— Я говорю, вот что значит подцепить, уцепить и, так сказать, зацепить творческий метод худрука... И пусть мне не говорят о недостатках...

— Ага, недостатки, стало быть, были?

— Кошечка, они зависят не от тебя.

— Да говори же скорей, в чём дело.

— О, господи, Лёлька, ты играла чудесно, но я же не простой зритель, могла я что-нибудь заметить или нет?

— Что же ты заметила?

— Не будь мелочной, Лёля.

— Говори сейчас, а то я лопну!

— Если ты настаиваешь, то, по-моему, у тебя было не всё в порядке с костюмом.

— Как не всё в порядке?

— Да просто он плохо сшит. Ей богу, нельзя же так, в столичном всё-таки театре, какая-никакая, а героиня пьесы — и вдруг такой кошмар!

— Да что же это такое было, я сойду с ума!

— И есть от чего. Я тебя вполне понимаю. Ты прости, я ведь по-дружески. Но когда ты вышла в этом кринолине, у всех создалось такое впечатление, будто у тебя четыре ноги.

— А как на мне сидела амазонка?

— Как на корове седло, — невозмутимо произнесла Сапа, — но играла ты хорошо, особенно если принять во внимание твою болезнь.

— Какую болезнь?

— Я не знаю, какую, но, что ты больна, — это факт, иначе чем объяснить, кто у тебя не хватало темперамента?

— У меня? — задыхнулась Лёлочка. — У меня — темперамента?

— Ну, деточка, если ты рычала, как простуженный трактор, это не значит, что ты кого-нибудь убедила.

— Да ведь я же играла принцессу, — с трудом проговорила Лёлочка.

— Ну, принцессой, положим, тут и не пахло, ты вела себя во дворце, как на собрании профактива. Да что с тобой, Лёля?

— Дай мне воды, — чуть слышно прошептала побледневшая дебютантка. — Мне дурно.

— Господи, Лёля, ну вот видишь, я говорила, что ты больна. На, пей. Ляг, отдохни. Я понимаю, ты взволнована успехом, тебе нужно побыть одной. Ещё раз от души поздравляю.

Она осторожно поцеловала влажный лёлочкин лоб и вышла, тихонько прикрыв за собою дверь.

В. ДРАГУНСКИЙ.

Проницательная собака

Говорили о собаках, об их замечательном уме, об их преданности человеку, об их нечеловеческой честности.

Разговор иссякал. И вот, когда уже думалось, что нету такого морального подвига, на который не оказались бы способны наши четвероногие друзья, молчавший до сих пор Никандр Кузьмич, пожилой торговый работник, задумчиво сказал:

— Я тоже знаю интересный случай из собачьей жизни: как одна проницательная собака спасла одного заведующего магазином...

— Расскажите, Никандр Кузьмич! — попросила хозяйка дома, обаятельная Мария Павловна.

— Извольте, — сказал Никандр Кузьмич, — только попрошу ещё стаканчик чайку!.. Спасибо, — я в прикуску. И если можно, — не перебивайте меня. Я расскажу всю эту поучительную историю залпом. Хорошо? Так вот, знал я одного заведующего магазином... назовём его товарищ Кузьменко. Он был честным человеком, никакими махинациями не занимался, жил скромно и дело своё вёл хорошо.

Но заместителем к нему попал некто Барбарисов, и это была такая жульбия, что, как говорится, негде пробы ставить.

И, конечно, не прошло и месяца их совместной работы, как жулик Барбарисов стал склонять честного товарища Кузьменко на стезю порочных комбинаций.

Он это хитро делал. Стал приглашать Кузьменко с супругой к себе в гости, сам ходил к нему, приносил подарки. А жена у Кузьменко была женщина недалёкая.

Наблюдая роскошную жизнь четы Барбарисовых, эта морально неустойчивая дама начала поедом есть своего честного мужа.

— Вот живут люди! — говорила она с завистью. — Видал, какая у Барбарисихи норковая шубка? Это далеко не то, что мой окаянный кролик, который лысеет ещё скорее, чем ты!.. Конечно, я знаю, — тебе всё равно! Тебе наплевать, что твоя жена — директорша! — скоро останется в одной мездре, в то время как жена Барбарисова — заместительша! — возможно, достигнет до соболей!..

И так далее и тому подобное!.. Представляете?..

И вот под натиском с одной стороны этой неразумной женщины, упрекавшей его в неумении жить, а с другой — под влиянием коварного жулика Барбарисова честный товарищ Кузьменко... дрогнул!

В его душе произошёл обвал моральных устоев. Он был готов к прекопадению и ждал только случая, чтобы совершить уголовнонаказуемое, но далеко не всегда вскрываемое деяние.

Такой случай скоро представился. Барбарисов познакомил его с молодым человеком по имени Гаврюша.

Это был шикарный жгучий брюнет в шёлковой рубашке, галифе и в высоких козловых сапогах, затянутых под коленками ремешками. Представляете?

У него было служебное удостоверение, глядящее, что Гаврюша является уполномоченным артели по выделке детской мебели из кавказского бука.

С этим удостоверением Гаврюша совершал рейсы Кавказ—Москва, провозя в столицу чемоданы, наполненные цитрусами, и увозя

обратно дефицитные промышленные товары, не имевшие, само собой разумеется, никакого отношения к выделке детской мебели из кавказского бука.

Такими именно товарами Кузьменко и Барбарисов согласились наполнить гаврюшины чемоданы.

Эта махинация сулила им крупный барыш, причём Кузьменко взялся подписать один «липовый» документ.

Операция была назначена на воскресенье. Прямо из магазина Гаврюша с чемоданами должен был уехать на вокзал.

...И вот в воскресенье, утром, надев шубу и шапку, — дело было зимой, — Кузьменко пешочком, загодя, отправился в свой магазин. На душе у него было скверно. Шёл мокрый снег. На крышах сидели сутулые вороны и громко разговаривали, жалуясь друг другу на погоду. А Кузьменко казалось, что они на вороньем своём языке кричат на всю Москву:

— Смотрите, вот идёт подлец Кузьменко! Мы знаем, куда он идёт! Он идёт к себе в магазин проводить незаконную операцию, за которую получит пять лет строгой изоляции — минимум!..

Представляете?..

Подгоняемый вороньими криками, Кузьменко не шёл, а почти бежал, никого не замечая, как вдруг его окликнули.

Он оглянулся и увидел своего старого знакомого Петра Петровича Сватикова, артиста из драматического театра. Начался обычный разговор. Как живёте? Что подделываете? Почему не звоните? Сватиков, между прочим, сказал, что недавно купил замечательную собаку, щенка немецкой овчарки, одиннадцати месяцев от роду, по кличке Примус. Кузьменко, любивший собак, заинтересовался. Сватиков предложил зайти к нему сейчас — посмотреть Примуса. А жил он тут же, за углом. Кузьменко взглянул на часы и согласился: время у него было.

Они поднялись по лестнице, вошли в переднюю, и Кузьменко увидел красавца пса: рослый, грудастый, уши стоят, как антенны, в глазах светится прямо-таки дьявольский ум. Представляете?

И тут произошло странное происшествие. То ли Кузьменко не понравился Примусу, то ли на пса напала нервность, — только он, как увидел заведующего магазином, так сразу ошентился и залаял.

Стоит, смотрит в упор на Кузьменко своими проницательными глазами и брешет на весь дом. — Хороший пёсик!.. — говорит Кузьменко и хочет уходить.

Но не тут-то было. Примус кидается на него, вырывает у него из рук снятую брововью шапку и уносит куда-то на кухню.

Обеспокоенный Кузьменко просит хозяйина забрать у нервной собаки шапку.

Но Сватиков говорит:

— Пока он нервничает, это сделать невозможно. Обождите, он успокоится и сам отдаст вам вашего бобра.

Но Кузьменко ждать не может, потому что в магазине у него сидит Гаврюша с чемоданами, которому уже пора ехать на вокзал.

— Я ждать не могу! — говорит Кузьменко. — У меня срочные дела в магазине. Я терплю убытки, чорт возьми! Подите сами и возьмите у вашего невростеника мою шапку!

— Боюсь! Он в таком запале, что может и меня сейчас разорвать. Надо обождать!..

Между тем Примус возвращается в переднюю без шапки и продолжает брехать на весь дом.

— Слушайте! — говорит Кузьменко. — Ей богу, я не могу ждать. Дайте мне вашу шапку и я пойду!..

— Нельзя!.. Он не разрешит. Пока он находится в таком нервном состоянии, вам лучше всего стоять смирно, не двигаясь. Иначе я за него не ручаюсь.

Стоят. Примус продолжает брехать. Время идёт.

Кузьменко смотрит на часы и говорит:

— Чорт вас разорви вместе с вашим «Примусом». Я же опаздываю... Я завяжу голову носовым платком и пойду так!

Лезет в карман за платком, но Примус снова, рыча, бросается на завмага и вырывает у него из рук платок.

— Это дьявол, а не собака! — почти плача, говорит Кузьменко. — Неужели никто у вас в доме не может с ним справиться?

— Феня может справиться, — отвечает Сватиков, — но она пошла в магазин и, наверное, там застряла. Надо обождать.

Ждут. Примус продолжает брехать. Время идёт.

— Дайте мне сахару, — говорит Кузьменко, — я брошу ему кусок и пока он будет его жрать, я тихо уйду.

Сватиков приносит сахарницу с сахаром.

Кузьменко бросает Примусу кусок. Примус слёту жрёт сахар, давится, но продолжает брехать, не сводя глаз с Кузьменко.

Кузьменко бросает второй кусок. Та же картина.

Кузьменко опустошает всю сахарницу (не смотря на жалобные вопли хозяйина), но пёс продолжает злиться и брехать.

Так проходит полтора часа. Наконец является долгожданная Феня, храбро хватает Примуса за ошейник, тащит в ванную и там запирает. Кузьменко получает шапку и свободу и галопом бежит в магазин.

Прибегает и узнаёт, что Гаврюша с чемоданами уже уехал на вокзал, а «липовый» документ пришлось подписать Барбарисову.

Через три недели Кузьменко снова пришёл к Сватиковым и принёс Примусу в знак благодарности полкило ветчины!..

— Позвольте, — сказала хозяйка дома, обаятельная Мария Павловна, — за что же он был так благодарен этой собаке?..

— Дело в том, что через две недели Барбарисова и этого Гаврюшу забрали в уголовный розыск. А если бы Примус не задержал Кузьменко, то документ подписал бы он. Представляете? Вот какие бывают... проницательные собаки! — закончил свой рассказ Никандр Кузьмич.

— Но ведь Кузьменко всё же был замешан в этом деле, — сказала Мария Павловна, — разве ему не досталось на орехи?..

— Таскали меня... то есть этого... таскали Кузьменко, — ответил Никандр Кузьмич, — но в общем обошлось благополучно. На орехи досталось Барбарисову, а Кузьменко вернулся на прежний, честный путь и шагает по этому пути до сих пор, не поддаваясь низким соблазнам жизни.

Все сделали вид, что не заметили оговорки Никандра Кузьмича и поблагодарили пожилого торгового работника за интересный рассказ.

Леонид ЛЕНЧ

НАГРЕВАТЕЛЬНЫЕ ПРИБОРЫ

Чайник. Нагревает воду до кипения.

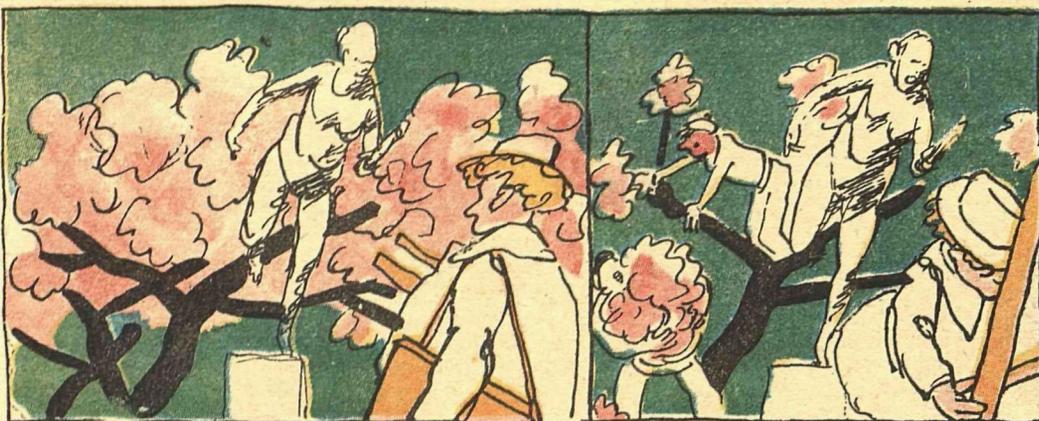

Электроплитка. Накаляется докрасна.

Телефон-автомат. Доводит до белого каления.

Рис. В. Горьева

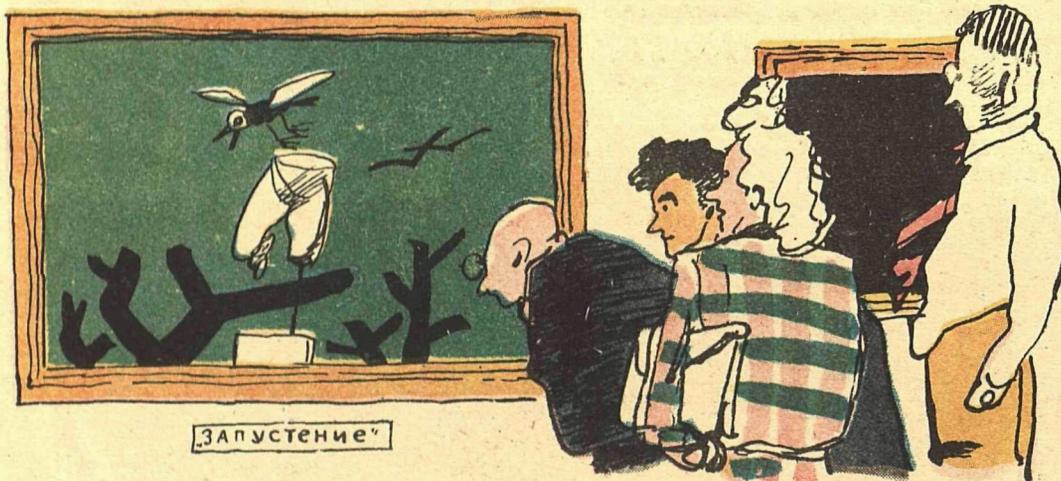
Художник решил написать с натуры картину «Сад цветёт».

Пока он устанавливал мольберт...

...пока натягивал холст...

...пока разводил краски...

ЗАПУСТЕНИЕ

...пейзаж настолько переменялся, что пришлось изменить название картины.

ОТРЫВКИ
ИЗ НЕНАПИСАННОГО

Из разговора о пьесе:
— Гвоздь сезона, а Островскому в подметки не годится!

Писатель занимался земледелием: зарывал свой талант в землю.

Через пропасть, отделяющую его от молодости, дантист перекинул золотой мост.

Ответственность подобна одежде: публично снимать её с себя не следует.

Часы на цепочке, а время всё ж убегает.

Верх осторожности: ходя по комнате, соблюдать правила уличного движения.

К портрету автора прилагался безличный роман.

Пчела и на крапиву садится. Не подражай ей!

Трамвай представлял собой поле брани.

Не суди по наружности. Суди по рентгеновскому снимку!

Большие писатели, как крупные купюры: на текущие расходы необходима литмелочь.

Сидел, как на патефонных иглоках, и пел.

В общую тетрадь можно вписывать и индивидуальные мысли.

Диоген опускал философию в своей бочкотаре.

О писателе Н.:
— Шляпа с пером.

Радиоприёмник сближает нас с отдалёнными странами и ссорит с ближайшими соседями.

Лев видел во сне Африку, но не знал, что это именно она.

Картофель в мундире пытался уверить всех, что он старый вояка.

Пчела вылетела на мёдозаготовки.

После его шестого романа из времён раннего средневековья о нём заговорили, как о писателе с будущим.

Книжный шкаф позабыли закрыть, и мухи оставили след в литературе.

М. ЯКОВЛЕВ

К ВОПРОСУ О ЖАНРАХ

С удовольствием прочитали мы в воронежской газете «Коммуна» (№ 123 от 21 июня) статью управляющего Воронежским овёлострестом тов. Барданова «Сахарная промышленность в новой пятилетке». Особенно наше внимание привлекли следующие строки:

«Быстрыми темпами идёт восстановление Боринского сахарного завода. Устанавливается новое оборудование. Наряду с восстановлением завода ведётся укладка узкоколейной железной дороги протяжением 17 километров».

Это мы прочитали. А на деле оказалось, что оборудование находится ещё в пути, а к строительству узкоколейки вовсе не приступали.

С таким полётом мысли, как у Барданова, не сухие статьи писать, а фантастические романы. Успех им обеспечен. Ручаемся.

МИЛОСТИ ПРОСИМ В ЗАГС!
В Кемеровском городском загсе обслуживание граждан поставлено на должную высоту. Приходит посетитель в загс и видит: висят на стенах для всеобщего обозрения, потемству в назидание и нашим читателям для развлечения образцы всевозможных заявлений. Вот они, эти образцы:
«Прошу востановить мою погпбшую занись».
«Дегистрировался в Московской церкви».
«Прошу зарегистировать нас с законным браком... В брак вступающие взаимно обследованы... В брак вступаю первый раз, препятствия с обеих сторон не имеются». Что и говорить, образцовые образцы!

НЕУГАСИМЫЙ ПОЖАР
Исполком Викуловского райсовета (Тюменской области) недавно обсудил доклад о противопожарных мероприятиях в районе. Прочитали мы постановление исполкома и ужаснулись: в представлении викуловских исполкомщиков люди, оказывается, превратились в предметы неодушевлённые! Исходя из этого положения, исполком и решил:

«...распределить между гражданами обязанности на случай пожара, закрепив их за отдельным инвентарём».
Интересно, как это происходило на деле: как это граждан прикрепляли к бочкам и брандспойгам? Сами председатель исполкома Стадник и секретарь Бесклеткин закрепили себя за канцелярским инвентарём и до того горят на работе, что перестают даже отличать людей от лошадей, о чём свидетельствуют и такие строки из этого же постановления:
«...обеспечить круглосуточное дежурство при пожарном депо граждан, для чего выделить работоспособных лошадей».
О такой «горимости на работе» бороться трудно. И никакое постановление исполкома о противопожарных мероприятиях в данном случае не поможет.

ГУЛИЧ ЗА РАБОТОЙ
Пришёл как-то после работы к себе домой заведующий Юратинцовским райторгом (Молодёженская область) тов. Гулич, пообедал, вырвал из блокнота чистый листок бумаги и стал что-то на нём строчить. Окончив, он подозвал жену и приказал написанное отнести на телеграф. Взглянула жена на листок и обомлела. Это была

телеграмма к ней, к его жене, которая находилась тут же, рядом. В телеграмме было сказано следующее:

«Предлагаю немедленно представить список количества членов моей семьи для получения хлебных карточек, Гулич».

Всего этого, конечно, не было. Это плод нашей фантазии. Но нечто подобное, безусловно, имело место.

Однажды Гулич разослал всем отделам Юртинского райсовета следующие телеграммы:

«Всем заведующим отделов исполкома райсовета и руководителям предприятий и учреждений представить контингент на получение хлебных карточек».

Получили адресаты эти телеграммы и стали дико хохотать, хотя ничего смешного в них не было и даже телеграф на этот раз ничего не перепутал. А причина для буйного веселья всё же была. И она станет понятна, если обозначить, что районный центр Юртинки—далеко не Нью-Йорк и большинство учреждений, которым были посланы телеграммы, как и сам райторг, расположены в одном и том же помещении, в райсовете. И связь с любым учреждением можно легко установить, не прибегая даже к телефону, не то что к телеграфу.

В ПОГОНЕ ЗА СЛАВОЙ

Не везёт как-то Степану Васильевичу Тучину. Прямо скажем: не везёт! Хочется ему славы, всеобщего признания и популярности. Кажется, вот он схватил славу за хвост. Но не тут-то было, выскользнула, а теперь её не догнать.

Степан Васильевич Тучин—председатель Воронежского облотребсоюза. Вместо того чтобы дать возможность С. В. Тучину спокойно почивать на лаврах славы, находятся беспокойные люди, которые требуют развешивания какой-то самокритики во вверенном ему учреждении. Они не понимают, что удовлетворить их требования—значит ещё больше отдалить славу от С. В. Тучина.

А тут ещё нечуткое отношение местной прессы. Послал как-то Степан Васильевич в областную газету «Коммуна» статью о работе облотребсоюза и снабдил свою статью своим портретом. И, представьте себе, редакция не напечатала портрета «из-за недостатка места».

Как только нам стало известно о такой неделикатности, мы тотчас же затребовали фотокартончик С. В. Тучина и охотно публикуем её на своих страницах. Теперь, надеемся, самолюбие Степана Васильевича будет удовлетворено с лихвой.

САМИ ВИНОВАТЫ

Не правда ли, приятно летом, в жару, выпить стакан—другой сидро или лимонада? Бывает старинный способ утоления жажды отличен всем известен. Поэтому Читинский горторг и обратился в Главторг Министерства торговли РСФСР с просьбой отгрузить необходимые специи для выработки прохладительных напитков.

Отзывчивый Главторг тщательно разобрался в просьбе и сообщил в Читинку:

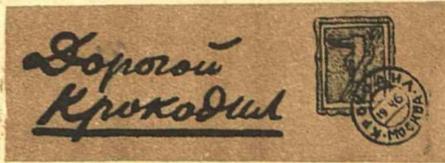
«Срочно высылайте представителя получения 100 килограммов фруктовой эссенции...»

Такой ответ вполне удовлетворил бы Читинский горторг, если бы он находился неподалёку от Главторга. Скажем, где-нибудь в пределах кольца «А», или, в крайнем случае, на Клязьме, или в Мамонтовке. Но, к сожалению, Читинка от Москвы находится на расстоянии 7000 километров. И это грустное обстоятельство вынудило читинцев отказаться от любезного предложения Главторга. Ну что ж, сами виноваты: не забейте так далеко!

КРОКОДИЛ ПОМОГ

★ Рабочие Первомайского фарфорового завода пожаловались Крокодилу на то, что директор завода Поляков груб с рабочими. Вместе с тем на заводе бесхозяйственно расходовалась заработная плата, выдавались посторонним лицам незаслуженные премии за выполнение плана ширпотреба. Приказом министра местной промышленности РСФСР тов. Смиряева Полякову объявлен выговор и предложено изжить ненормальности, отмеченные в письме рабочих.

★ Майор Зализняк сообщил Крокодилу, что в Саратове, особенно весной, нельзя было ни пройти, ни проехать, так как не были подготовлены искусственные сооружения к пропуску весенних вод. По этому письму за допущенную халатность сняты с работы техник Кировского райсовета и заведующий Октябрьским райкомунотделом.

(ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ)

Дорогой Крокодил!

В апреле прошлого года Дагестанский иодобромный завод Министерства химической промышленности был передан другому ведомству—Главгазпрому. С того времени прошло почти 15 месяцев, но заместитель министра химической промышленности тов. Шедринский продолжает неумолимо присылать заводу телеграфные директивы. Так безгранична любовь заместителя министра к иодо-бромной продукции.

Писателю, которого интересует тема безнадёжной, но неувыдающей любви, мы с готовностью предоставим пачку телеграмм тов. Шедринского. По нашему мнению, на их базе можно создать волнующее художественное произведение.

ШИПОВАЛОВ,
помощник управляющего трестом
«Даггаз»

Уважаемый Крокодил!

Что может быть лучше отдыха на юге, на берегу Чёрного моря? Какой упоительный воздух, купанье, зелень. Всё это учёла Центральный комитет профсоюза работников высших школ и научных учреждений и направил нас, научных работников, отдохнуть и полечиться в свой санаторий «Одесса», находящийся, как нетрудно догадаться, в городе того же названия. И вот попали мы сюда и никак не нарадуемся красотам, которыми одарила этот край щедрая рука природы.

Что же касается человеческих рук, то они сделали всё, чтобы испортить отдых. Санаторий имеет жалкий вид, комнаты совершенно не меблированы, нет канализации, лечебный корпус не оборудован. На некоторых аллеях парка остались проволочные заграждения, траншеи...

На наш вопрос к администрации санатория, знают ли об этом в ЦК союза, нам успокоительно ответили:

— Не беспокойтесь. Там всё знают.

И мы тоже думаем, что знают. Теперь наверняка.

ВОВЧЕНКО, ЖИВОРИНСКИЙ, КОГАН,
МЕЛАМЕД и ещё
30 подписей.

г. Одесса.

Дорогой Крокодил!

Как быть? Главный агроном Измаильского земотдела советует через местную газету поливать огороды.

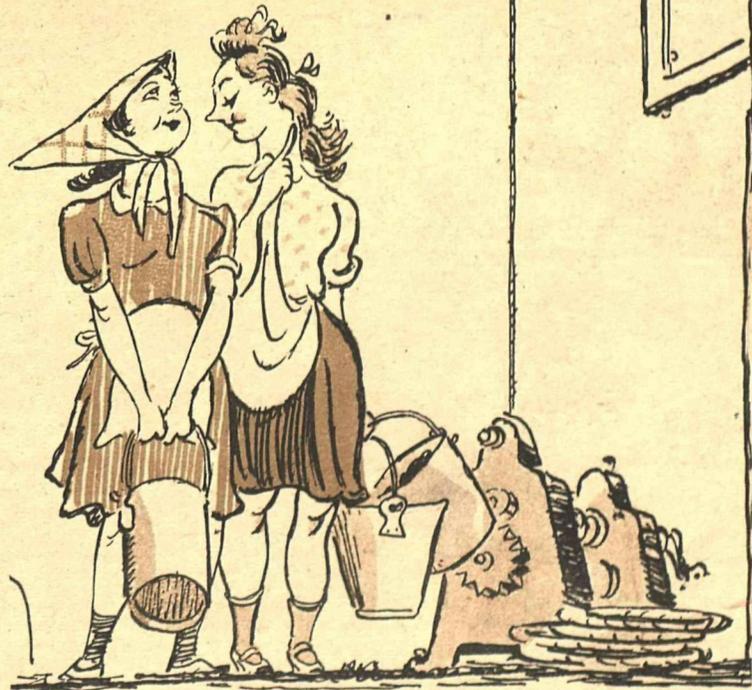
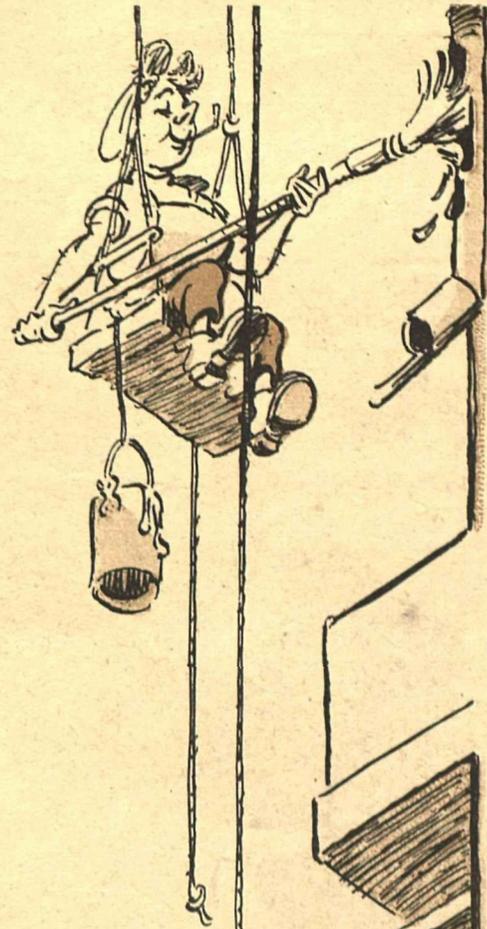
А управление измаильского водопровода через ту же местную газету категорически запрещает для полива огородов пользоваться водопроводными кранами. И даже угрожает штрафом и уголовной ответственностью.

Чем же поливать огороды и можно ли заменить водопроводную воду речами местных руководителей о благоустройстве города и, в частности, о приведении водопровода в порядок?

А. КРЫМСКАЯ

г. Измаил.

Рис. Б. Фридкина.

— Ты кого ждёшь?
— Жениха.
— А где он?
— Пока ещё в люльке.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ: Д. ЗАСЛАВСКИЙ, В. КАТАЕВ, КУКРЫНИКСЫ (М. КУПРИЯНОВ, П. КРЫЛОВ, Н. СОКОЛОВ), Г. РЫКЛИН (отв. редактор). Рукописи не возвращаются.

Адрес ред.: Москва, 40, Ленинградское шоссе, ул. «Правды», 24, тел. Д 3-32-50, Д 3-33-47. Приём ежедневно с 1 до 5 часов. Подписная цена на журнал—3 руб. 20 коп. в месяц.

Изд-во ЦК ВКП(б) «Правда»

Москва. Изд. № 499. Подп. к печати 22/VII 1946 г. Статформат 72 × 105 см. Печ. л. 1½. Кол. зн. в 1 печ. л. 78 000.

А 04483.

Типография газеты «Правда»

Тираж 150.000 экз. Заказ № 1667.

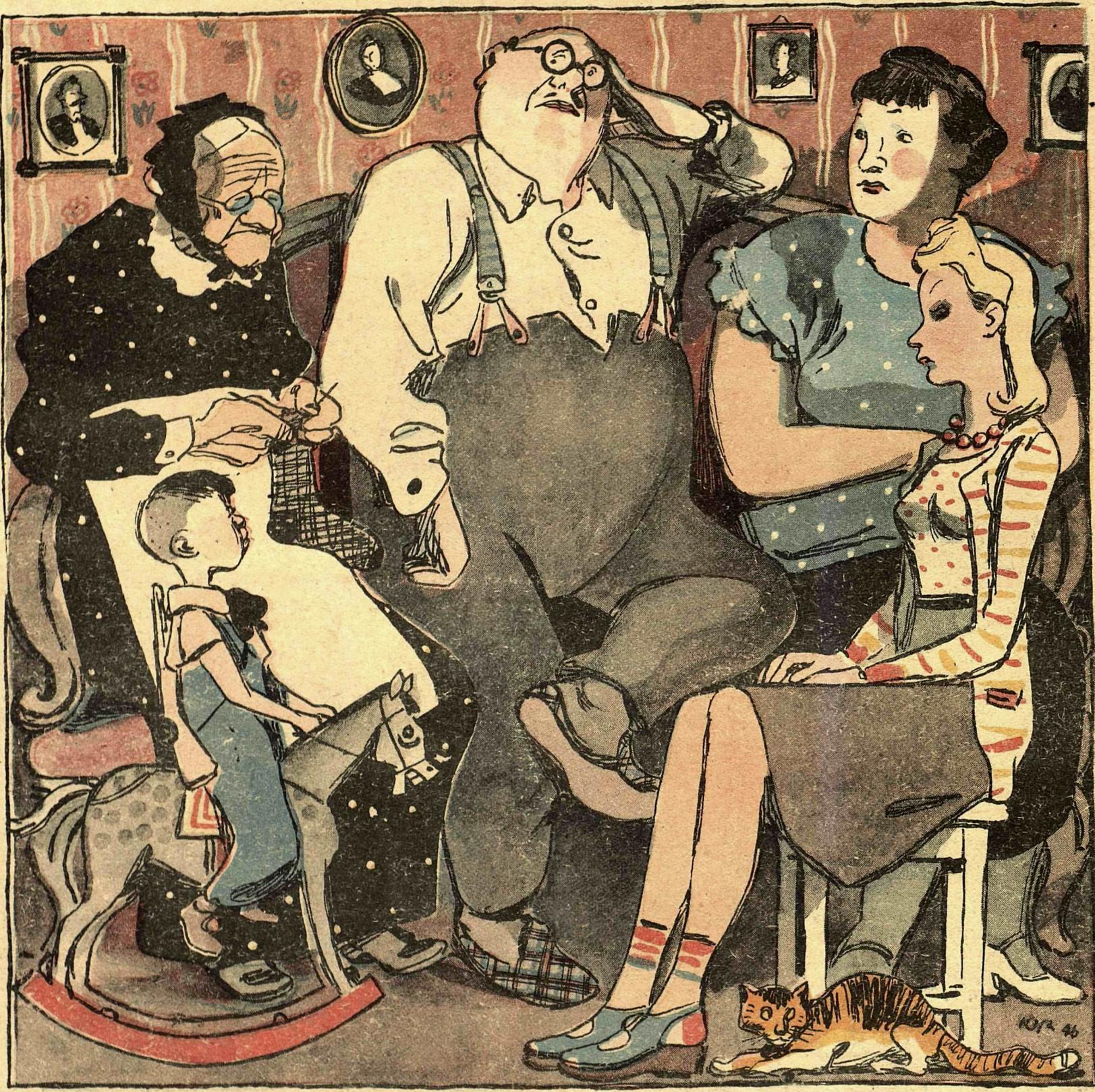
48

ВСЕСОЮЗНАЯ
ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ПАЛАТА
СБЯЗ. БИЗ.
1946 г.

4291

ПУГЛИВАЯ СЕМЬЯ

Рис. Ю. Гапфа

Бабушка боится чертей, мама боится мышей, Толя боится темноты
Галя боится грозы, а папа боится самокритики.